

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.16082

EDN: GCIINC

«Лукий, или Осел» («Λούκιος ἢ ὄνος») в переложении О. И. Сенковского

Е. Л. Смирнова^{1✉}, Е. П. Литинская²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

¹e-mail: esmirnova@petrsu.ru[✉]

²e-mail: litgenia@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сочинения О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса) «Лукий, или Первая повесть» (1842), представляющего собой вольное переложение произведения «Лукий, или Осел», сохранившегося в корпусе текстов Лукиана. Исследование опровергает устоявшееся в критике (начиная с В. Г. Белинского) мнение о тексте как о «неудачном искажении» «Золотого осла» Апулея и раскрывает его многослойную природу. «Лукий» Сенковского представляет собой смелый литературный эксперимент, синтезирующий художественный перевод, элементы научной статьи, пародии и фельетона. Приемы работы Сенковского с античным материалом включают введение реалий и языка России XIX в., диалогизацию, цензурирование, создание двойного хронотопа, авторские добавления. Важную роль играет литературная маска: сочинение от имени Б. Б. (Барона Брамбеуса) снимало с Сенковского-профессора словесности ответственность за вольное обращение с древнегреческим текстом и позволяло Сенковскому-редактору журнала присоединиться к журнальной полемике, не нарушая провозглашенного «Библиотекой для Чтения» принципа отвечать на нападки критиков молчанием. Публикация повести была остроумным ответом Сенковского на критику со стороны Белинского и полемику вокруг поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Путем детального сопоставления текстов зафиксированы скрытые пародийные отсылки к статьям Белинского о русской повести и о Гоголе. Впервые освещено использование Сенковским сюжета об осле для создания сатирических портретов современников: К. С. Аксакова, С. П. Шевырева, С. С. Уварова. Образ «осла-философа» интерпретируется как метафора мыслящего человека в обществе. Авторы пришли к выводу о том, что «Лукий» Сенковского не маргинальный текст, а важное явление в истории русской сатирической прозы и журнальной полемики 1840-х гг., требующее переоценки и дальнейшего изучения в контексте творчества Сенковского и литературного процесса его времени.

Ключевые слова: Сенковский, Барон Брамбеус, Лукиан, «Лукий, или Осел», жанр, перевод, адаптация, Гоголь, Белинский, журнальная полемика

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 22-18-00423-П «Античный код русской литературы XIX — начала XX вв.», <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Для цитирования: Смирнова Е. Л., Литинская Е. П. «Лукий, или Осел» («Λούκιος ἢ Ὄνος») в переложении О. И. Сенковского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 25–70. DOI: 10.15393/j9.art.2025.16082. EDN: GCIHC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.16082

EDN: GCIHC

“Lucius, or the Ass” as Adapted by O. I. Senkovsky

Ekaterina L. Smirnova^{1✉}, Evgeniya P. Litinskaya²

^{1,2} *Petrozavodsk State University*
(*Petrozavodsk, Russian Federation*)

¹e-mail: esmirnova@petsu.ru[✉]

²e-mail: litgenia@yandex.ru

Abstract. The article examines “Lucius, or the First Tale” (1842), written by O. I. Senkovsky under the pseudonym B. B. and loosely based on “Lucius, or the Ass” (Λούκιος ἢ Ὄνος), one of the works preserved in the classic corpus of Lucian’s texts. The study refutes the established critical opinion (rooted in V. G. Belinsky’s views) about the text as an “unsuccessful distortion” of Apuleius’s “Golden Ass” and reveals its multi-layered nature. It is argued that Senkovsky’s “Lucius” was a bold literary experiment that synthesized creative translation, adapted retelling and classic stylization, elements of a scientific article, parody and feuilleton. Senkovsky’s techniques of working with the classic text included the introduction of realities and language of 19th century Russia, dialogization, censorship, the creation of a double chronotope, and author’s insertions. The role of the literary mask was crucial: the name of B. B. (Baron Brambeus) relieved Senkovsky the professor of literature of responsibility for his loose handling of the ancient Greek text and allowed Senkovsky the editor to join the magazine polemics without violating the principle of responding to critics’ attacks with silence proclaimed by the “Library for Reading”. The analysis of “Lucius” by B. B. reveals that the publication of the story was Senkovsky’s witty response to criticism from Belinsky and the controversy surrounding N. V. Gogol’s poem “Dead Souls.” Hidden parodic references to Belinsky’s articles on Russian novels and on Gogol’s works are identified through a detailed comparison of the texts. The article highlights Senkovsky’s use of the ass theme to create satirical portraits of his contemporaries, K. S. Aksakov, S. P. Shevryev, and S. S. Uvarov. The image of the “donkey-philosopher” is interpreted as a metaphor of a thinking person in society and among the highly educated elite. The authors conclude that Senkovsky’s “Lucius” is not

a marginal text, but an important phenomenon in the history of Russian satirical prose and magazine polemics of the 1840s, which requires re-evaluation and further study in the context of Senkovsky's work and the literary process of his time.

Keywords: Senkovsky, Baron Brambeus, Lucian, "Lucius, or the Ass", genre, translation, adaptation, Gogol, Belinsky, magazine polemics

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 22-18-00423-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Smirnova E. L., Litinskaya E. P. "Lucius, or the Ass" as Adapted by O. I. Senkovsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 25–70. DOI: 10.15393/j9.art.2025.16082. EDN: GCIINC (In Russ.)

Литературная судьба сочинения «Лукий, или Первая повесть», созданного О. И. Сенковским под псевдонимом Б. Б., оказалась незавидной. Текст, впервые опубликованный в завершающем выпуске журнала «Библиотека для Чтения» за 1842 г.¹, был включен в посмертное собрание сочинений Сенковского 1858–1859 гг.², однако следующее переиздание состоялось только через сто шестьдесят шесть лет³. Отсутствуют специальные статьи о повести, практически не встречаются упоминания о ней в работах, посвященных художественной прозе Сенковского⁴.

Отсутствие интереса к «Лукию» отчасти можно объяснить тем, что автор преуспел в игре с читательской аудиторией: сочинение, облеченное в форму ученой статьи, состоящей из перевода античного текста с предпосланной ему вступительной заметкой

¹ Б. Б. [Сенковский О. И.] Лукий, или Первая повесть // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 55. Ч. 2. Декабрь. Отд. 1. С. 75–132. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Лукий* и указанием страницы в круглых скобках.

² Сенковский О. И. Лукий, или Первая повесть // Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса): в 9 т. СПб., 1858. Т. 5: Повести и романы. С. 3–74.

³ Сенковский О. И. Лукий, или Первая повесть // Сенковский О. Собр. соч.: в 5 т. М.: Дмитрий Сечин, 2024. Т. 4: Идеальная красавица / сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Кошелева, В. А. Кошелева. С. 537–599.

⁴ Характеристика «Лукия» Сенковского в новейшем переиздании его сочинений исчерпывается фразой: «"Лукий, или Первая повесть" (1842) варьировала классический античный сюжет, обрабатывавшийся Лукианом и Апулеем» [Кошелев А. В., Кошелев В. А., 2024а: 20] и кратким комментарием к тексту [Кошелев А. В., Кошелев В. А., 2024б: 694–697].

об истории жанра повести в европейской литературе, при беглом взгляде создавало впечатление произведения ученого, предназначенного для узкого круга профессиональных антиковедов⁵. Определенную роль могла сыграть и пренебрежительная оценка, данная В. Г. Белинским в статье «Русская литература в 1842 году» — критик назвал повесть «неудачным искажением известной сказки Апулея "Золотой осел", переведенной по-русски Ермилом Костровым еще в 1780 году» [Белинский; т. 6: 541]. Непререкаемый авторитет суждений Белинского, закрепленный в советском литературоведении⁶, превращал любое новое обращение к «Лукию» Сенковского в излишнее, даже несмотря на наличие фактической ошибки в утверждении критика: Сенковский переложил вовсе не «Золотого осла» Апулея, а сочинение (λόγος)⁷ «Лукий, или Осел», которое сохранилось в корпусе произведений Лукиана из Самосаты⁸.

Забвение «Лукия» Сенковского, хотя и объяснимое, представляется не вполне оправданным. Во-первых, текст являет собой пример смелого эксперимента по использованию древнегреческого наследия при создании современного произведения и представляет интерес в рамках изучения созданного Сенковским «нового жанра научно-философской повести, в которой профессиональная ученая шутка обернулась новым способом подачи материала» [Каверин: 10] и оригинальным способом научной полемики. Во-вторых, ряд деталей появления «Лукия» позволяют считать текст не просто остроумной литературной игрой с читательской аудиторией, но орудием журнальной борьбы, свое участие в которой Сенковский — редактор журнала «Библиотека для Чтения» — упорно отказывался признавать.

⁵ К переводам Лукиана статью Сенковского относили: [Прозоров: 55], [Николаев: 141].

⁶ Подробнее см.: [Полонская], [Ермичев: 25–29].

⁷ Патриарх Фотий пишет: «ἐκ τοῦ Λουκιανοῦ λόγου ὃς ἐπιγέγραπται "Λοῦκις ἢ Ὄνος"» («Лукий переписал у Лукиана из его сочинения "Лукий, или Осел"») (Bibl. Cod. 129).

⁸ Подробнее см.: [Стрельникова: 335–340], [Левинская, 2008], [Mason], [Bowie: 28].

Барон Брамбеус в роли филолога-классика

К сожалению, не представляется возможным с уверенностью определить, каким именно изданием трудов Лукиана пользовался Сенковский: вскоре после смерти писателя его жена продала библиотеку, находившуюся во флигеле дома, букинистам на рынок⁹. Впрочем, вряд ли можно сомневаться, что Сенковскому были доступны книги из библиотеки Петербургского университета, среди которых имелось издание сочинений Лукиана 1743 г. [Коллекция знаний: 52]. Кроме того, он мог приобрести одно из новейших изданий Лукиана¹⁰ для личной библиотеки: А. В. Старчевский указывает, что в доме Сенковского «книг и журналов выписывалось и забиралось в иностранных книжных магазинах не менее чем на 2000 р. ежегодно»¹¹.

Заметим, что 1820–1830-е гг. были временем повышенного интереса к Лукиану: помимо публикации его сочинений на древнегреческом и комментированных переводов на латинский¹², немецкий¹³ и английский¹⁴ языки, появились и специальные ученые изыскания¹⁵, в том числе — на французском

⁹ Старчевский А. В. Последние десять лет жизни барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковского) (с 1848 по 1858 г.). Письма к редактору «Наблюдателя». 1884. № 12. С. 329.

¹⁰ Например, 1) *Luciani Samosatensis Opera ex recensione Giuliemi Dindorfii Graece et Latine cum indicibus. Editio Altera emendatior. Parisiis, 1842.* «Лукий, или Осел» («Λούκιος ἢ Ὅνος») расположен на с. 445–467. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Λούκιος* и указанием номера фрагмента в круглых скобках; 2) *Luciani Samosatensis Opera. Ad optimorum librorum fidem accurate edita: in 4 vol. Lipsiae: Tauchnitz, 1829.* «Лукий, или Осел» опубликован в 3 томе, на с. 81–125.

¹¹ Старчевский А. В. Последние десять лет... С. 327.

¹² Λουκίανος. *Luciani Samosatensis Opera Graece et Latinae: in 9 vol. Lipsiae: in Libraria Weidmannia, 1822.*

¹³ *Lucian's Werke, übersetzt von August Pauly. Erstes [bis fünfzehntes] Bändchen. Stuttgart: Verlag der Metzler'schen Buchhandlung, 1827–1832.*

¹⁴ *Lucian of Samosata. From the Greek. With the Comments and Illustrations of Wieland and Others. By William Tooke: in 2 Vols. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1820.* («Лукий, или Осел» — «Lucius, or the Enchanted Ass» — во втором томе, с. 126–173.)

¹⁵ Mees A. *Dissertatio literaria Luciani studies et scriptis juvenilibus.* Roterodami: Apud W. Messchert, 1841. 84 p.; Jacob K. G. *Charakteristik Lucians von Samosata.* Hamburg: F. Perthes, 1832. 194 s.

о сочинении «Лукий, или Осел»¹⁶. В 1839 г. в журнале «Галатея» была опубликована статья «Лукиан и его век», составленная на основе материалов из “*Revue de Paris*”, за публикациями которого следил и Сенковский¹⁷. В октябре 1842 г. в журнале «Сын Отечества» увидела свет статья «Лукиан и его сочинения», в которой античный автор получил характеристику неугомимого критика догматов языческой религии и идолов древней литературы, остроумного разоблачителя глупости и пороков своих современников и оригинального писателя с легким слогом, чьи сочинения имели большое влияние на новейшую литературу¹⁸. «Лукий» был выделен как «один из самых ранних образчиков романического рассказа» и «самый ранний образчик фантастических путешествий»¹⁹. Автор статьи не указан, однако следует заметить, что активным участником «Сына Отечества» в 1842 г. был Сенковский [Дементьев: 463].

В «Библиотеке для Чтения» автор статьи «Лукий, или Первая повесть» обозначен как Б. Б., то есть Барон Брамбеус. Литературная маска была очень важным приемом: она давала простор для вольного обращения с античным источником, отделяя облеченный в форму научной статьи текст от профессора словесности Петербургского университета. Профессор Сенковский не нес никакой ответственности за литературную провокацию, предложенную публике Брамбеусом: фельетонную манеру вступительного историко-литературного комментария, отступления от буквальной передачи оригинального текста и целый ряд добавлений, которые меняли замысел античного автора, превращая древний текст в произведение современной словесности.

¹⁶ *La Luciadé, ou L'Ane, de Lucius de Patras*. Paris: Rapilly, 1824. 408 p. Основой этого издания стал комментированный перевод «Лукия» на французский язык, выполненный П.-Л. Курье: *La Luciadé, ou, L'âne de Lucius de Patras: avec le texte grec revu sur plusieurs manuscrits*. Paris: A. Bobée, 1818. XXII, 321 p.

¹⁷ [Б. п.] Лукиан и его век, из ин. журн. // *Галатея*. 1839. № 13. С. 346–359; № 14. С. 423–430; № 15. С. 482–490 (указание «изъ *Revue de Paris*» — в № 15, с. 490).

¹⁸ [Б. п.] Лукиан и его сочинения // *Сын Отечества*. 1842. № 10. Отд. VII. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 25–26.

Сравнение перевода Сенковского с древнегреческим оригиналом дает представление о творческом методе писателя. Перед нами не перевод, а литературная переделка, вольная адаптация, насыщенный аллюзиями художественный текст, ориентированный на читателя начала 1840-х гг.

Сенковский трансформирует стиль и часто содержание греческого сюжета, модернизируя его использованием реалий и языка России XIX в. Так, например, введены лексемы «ба-рыня», «вельможа» (Лукий: 88, 121); добавлены словосочетания «гастрономические приостановки», «выслуженный пенсион», «светлейший граф», «ученый муж» (Лукий: 90, 106, 129, 131); жрецы Сирийской богини названы «плутами, которые разъезжают по городам и селам <...> и во имя ее надувают всех и каждого» (Лукий: 109). Переводчик осуществляет целый ряд лексических замен: «горница» вместо κοίτων (спальня) (Лукий: 80, ср.: Λούκιος: 2), «сторож» — οἰκέτης (слуга) (Лукий: 90, ср.: Λούκιος: 16), «латук, репа, петрушка» — θρίδαξ μὲν καὶ ῥαφανὶς καὶ σελίνον (латук, редька, сельдерей) (Лукий: 91, ср.: Λούκιος: 17), «сабля» — ξίφος (меч) (Лукий: 94, ср.: Λούκιος: 21), «квартира» — οἰκία ἀνθρώπων πενήτων (дом бедных людей) (Лукий: 114, ср.: Λούκιος: 41).

Сенковский создает двойной хронотоп, который является основой для сатирического отстранения. Действие формально происходит в античном мире, но насыщено реалиями, социальными типажам его времени и современным ему русским языком. Отталкиваясь от авантюрно-аллегорического сюжета, он делает акцент на злободневности. Порицает нравы современного ему общества: ханжество, невежество, глупость, жестокость, развращенность элиты, модный мистицизм. Пишет сатиру на слишком требовательных и беспощадных хозяев (эпизод с Мегалополой), на вкусы и нравы высшего света (вставки о «гастрономических приостановках», «славном житье» у вельможи, пародийный диалог о «любви к ослиной породе»), на моральную развращенность людей (эпизод со слугой — «сорванцом, живодером»).

Пародийные вставки («Сцена была живописная...», «Какое счастье!», «О ужас...», «Палестра!.. богиня!.. я скоро буду возле тебя, в твоих объятиях!», «Пошло на счастье...» и др.)

высмеивают литературные штампы романтических и сентиментальных романов. Так, спасение Палестры и бегство с ней (*Лукий*: 96–98) передано в романтической стилистике, детализировано и превращено в почти театральный эпизод с добавлением эмоциональных реакций и описаний:

«Я не видал конца своему блаженству, воображая себя вне опасности; я таял от восторгу при мысли быть спасителем этой бесподобной девушки: вне себя от избытку чувств, я летел, а не бежал» (*Лукий*: 98).

Пародийный эффект возникает за счет использования «двуголосого слова». Высказывания Лукия, полные романтического пафоса, произносятся в нелепой ситуации бегства на ослиных ногах. Добавленная сцена о воине и девице с элементами иронии и психологизма — едва ли не пародия на сюжет сентиментального романа:

«Вдруг, как стрела из лука, вылетел из комнаты высокий, стройный молодой человек, с полумертвою пленницею на руках.

Думаю: бедненькая! Верно, из огня в пламя. Видно, уж ей на роду написано!.. Но вдруг он зовет ее по имени! И голос его знаком ей! Это ясно: она радостно открыла глаза на его зов.

О, боги! Чтó выразилось на этом лице, когда она взглянула на него, как она обвила около его шеи свои прекрасные ручки (*sic!*) и прильнула к нему губами... Этого не описать никакому ослу на свете, хоть бы уши у него были длиннее ушей всех риторов. Я чуть не умер от восторгу» (*Лукий*: 102).

Переводчик значительно смягчает или вовсе опускает эротические эпизоды. Он лишь намекает на «любовные состязания» в сцене с Палестрой, тогда как в оригинале она откровенна и насыщена метафорами борьбы (*Λούκιος*: 7–10). Любовники в русском варианте становятся «искренними друзьями» (*Лукий*: 85). Эпизод с дамой, влюбившейся в осла, также передан сдержанно (*Лукий*: 124, ср.: *Λούκιος*: 50–52). Цензурирует Сенковский и излишне жестокие моменты. Им, например, более сжато и менее натуралистично описаны расправа над старухой, эпизод с мальчишкой, истязавшим осла, и предложение оскотить осла (*Лукий*: 99, 105–106, 108, ср.: *Λούκιος*: 24, 29–30, 33).

Автор опускает непонятные или сложные для читателя отсылки. Например, он убирает сравнение героя с Кандавлом (*Лукий*: 103, ср.: *Λούκιος*: 28), считая, вероятно, его неточным и требующим пространного пояснения.

К сознательным изменениям оригинала отнесем диалогизацию повествования. Сенковский последовательно переводит косвенную речь в прямую. Создает живые диалоги, драматизируя изложение, делая его более динамичным, комичным. Вспомним, например, развернутые диалоги разбойников (*Лукий*: 98–101), диалог огородника с римским воином, который, в отличие от оригинала, говорит на латыни (*Лукий*: 117).

Сенковский пишет богатым, образным, часто ироничным языком, насыщенным идиомами и просторечием («ни на минуту без сабли», «пошло на счастье»), часто распространяет существительное определениями: «гадкий хвост», «вьючное животное» (в оригинале «скот»), «алые розы».

Он неоднократно ссылается на образность Рима (Юпитер, Купидон, Венера и Меркурий вместо Зевса, Амура, Афродиты и Гермеса; триклиний как показатель римского зажиточного дома; Цезарь, ликтор, префект, консул для обозначения статуса должностного лица) и использует латинскую лексику. В сюжете такой прием является пародированием моды на классическое образование и показную эрудицию (*Лукий*: 117, 129).

Чтобы добиться большей легкости и занимательности повествования, Сенковский дробит или объединяет фразы оригинала, дополняет его вставками. Вставные эпизоды (а их чуть более 20) в «Лукии» составляют почти четверть текста. Половина из них предназначена для раскрытия образа главного героя, причем Сенковский использует характерные для «Золотого осла» Апулея [Альбрехт: 1585–1586] приемы. Обстоятельное самопредставление героя и его разговоры с самим собой создают впечатление присутствия и повышают убедительность рассказа. Создание достоверности через наглядные описания: шарлатанов, выдающих себя за служителей Сирийской богини, и вельможи Менеклеса, главным украшением виллы которого была прекрасная статуя, изображающая его персону, — также помогало стилизации авторских вставок под сочинение античного автора. Тем не менее Сенковский

оставлял для читателей подсказки, помогающие распознать обман. Во-первых, ключевая характеристика главного героя: «философ, историк, ритор и грамматик» — повторяется к месту и не к месту (*Лукий*: 79, 82, 83, 88, 89, 94, 97, 100, 104, 131, 132). Во-вторых, добавлен нехарактерный для языческого сочинения эпизод о прощении христианки по воле Юпитера, отца богов и людей (*Лукий*: 128–129).

Наиболее значимое преобразование греческого источника касается переработки образа главного героя, что ведет к знаковым смысловым сдвигам. В оригинале Лукий — несколько наивный юноша из Патр, который из-за свойственного ему любопытства оказывается превращен в осла и попадает в комические ситуации. Его характер почти не меняется, он является скорее «камерой», через которую читатель наблюдает за событиями. Лишь в финале герой чуть подробнее говорит о себе:

“καὶ γὰρ, Πατήρ μὲν, ἔφην, <...> ἔστι μοι Λούκιος, τῷ δὲ ἀδελφῷ τῷ ἐμῷ Γάϊος· ἅμφω δὲ τὰ λοιπὰ δύο ὀνόματα κοινὰ ἔχομεν. *καὶ γὰρ μὲν ἱστοριῶν καὶ ἄλλων εἰμὶ συγγραφεύς*²⁰, ὁ δὲ ποιητὴς ἐλεγείων ἐστὶ καὶ μάντις ἀγαθός· πατρὶς δὲ ἡμῖν Πάτραι τῆς Ἀχαΐας” (*Λούκιος*: 55), букв. «Отец, я сказал <...> у меня — Луций, а у моего брата — Гай; но оба же остальных имени у нас общие. И я — писатель историй и других сочинений, а он — поэт, пишущий элегии, и хороший прорицатель; родина наша — Патры в Ахайе».

Сенковский, сохраняя повествование от первого лица, иначе, более развернуто, академически представляет героя в самом начале своего перевода:

«Я — человек не глупый. Учился я в Афинах всякой книжной мудрости, прочитал почти все творения древних и, благодаря Юпитеру, сделался сам известным моими сочинениями. Я много писал о философии, об истории, о древностях, о языке. Философ, историк, ритор и грамматик, я, право, не хуже других...» (*Лукий*: 79).

Создан иронический контраст между статусом героя и глупыми ситуациями, в которые он попадает. Лукий у Сенковского гораздо более ироничен, даже саркастичен. Он не просто

²⁰ Здесь и далее полужирный курсив в цитатах, а также переводы с греческого принадлежат авторам статьи.

страдает, но и комментирует свои переживания, более склонен к самоанализу. Так, в эпизоде, в котором мальчик-слуга, «сорванец, живодер», различными способами докучает животному, Лукий отмечает:

«Сколько прекрасных философических выводов сделал я в это время о доброте человеческого сердца. Жаль, что потом забыл их, сделавшись снова человеком», —

и подытоживает аллюзией на евангельские строки:

«Таков человек!» (Лукий: 105, 106).

Герой чаще выражает человеческие эмоции и мысли, чем в оригинале. Вспомним здесь вставку с его размышлениями о молодости, красоте, любви:

«Если, бывало, завижу перед собою хорошенькую женскую фигуру, тотчас, хоть бы это было с ношей и самим погонщиком, прибавляю шаг, догоняю, меряю глазами, всматриваюсь в лицо: в эти минуты я часто забывал, что я важное лицо, философ, ритор, а притом настоящий осел, и что ужасное беремья ломит мне спину. Чтò делать! Молодость и красота!» (Лукий: 107).

Образ Лукия-осла у Сенковского рефлексирующий. Так, фрагмент с эмоциональными философскими обобщениями («Грустные думы...» (Лукий: 94)) перекликается с образом «*asinus philosophans*», ослом-моралистом из «Метаморфоз» Апулея (*Met.* X, 33). Для аргументации превращения греческого Лукия в «ученого мужа, ученого-неудачника, начитавшегося «книжной премудрости», Сенковскому была необходима одна семантическая замена. В оригинале госпожа Палестры превращается в *κόραξ νυκτερινός* (ночной ворон), а в русском варианте, как и в романе Апулея, — в «сову», птицу Минервы, богини мудрости (Лукий: 87, ср.: Λούκιος: 12; *Met.* III, 21).

Грустной иронией наполнен ряд добавлений Сенковского к античному тексту, в которых осел-ученый делится своими наблюдениями об окружающих его людях: они склонны верить разного рода шарлатанам; они с бóльшей охотой идут смотреть на выступление осла, чем на представление превосходнейших трагедий Софокла и Еврипида, и при этом больше дивятся умению осла пить вино, чем его познаниям

в грамматике; они готовы отправить человека на смерть за отличие его убеждений от взглядов большинства (*Лукий*: 114, 122–123, 125, 127).

Сенковский переосмысливает финал. В греческом варианте Лукий, обращаясь вновь к человеку с помощью лепестков роз, припадает к земле, соединяясь с ней:

“γυμνὸς καλῶς ἐστεφανωμένος καὶ μεμυρισμένος τὴν γῆν γυμνὴν περιλαβὼν ταύτῃ συνεκάθειδον” (*Λούκιος*: 12) (букв. «нагой, прекрасно увенчанный и умащенный, я, обняв голую землю, спал на ней»).

Исследователи видят здесь пародию на мистико-религиозную «египетскую» концовку «Золотого осла» Апулея [Левинская, 2002: 31]. В версии Сенковского обратное превращение значительно расширено. Розы, которые дают спасение герою, приносит в корзинке птица Юпитера — орел. Публика, испугавшись, называет Лукия-человека колдуном и христианином. Разрастается полемика о христианстве. Спасает героя жрец, выступая со словами:

«Говори, святой человек!.. Объяви волю Юпитера, который тебя из осла сделал римским гражданином и всех нас может превратить в ослов!..» (*Лукий*: 128).

В ответном слове Лукий заступает за Палестру, которую как христианку хотят сжечь. Далее он общается с префектом на латыни: «*Illustrissime comes!.. Светлейший граф!*» (*Лукий*: 129). Последний разоблачает Лукия, считая его и жреца сообщниками, и добавляет:

«Но знаете ли вы, негодяи, что без моего позволения Юпитер не имеет права творить чудес в этом месте?» (*Лукий*: 130).

Разрешает конфликт вступившая в разговор Палестра, подтверждая все слова Лукия о его судьбе.

Завершается повесть грандиозной метафорой-самоиронией:

«...сказание о том, как я, философ, историк, ритор и грамматик, долгое время, по воле бессмертных богов, был настоящим, неподдельным ослом... а, может быть, и теперь есмь!.. Я кончил повесть» (*Лукий*: 132).

И это, конечно, прямая сатира на современную автору интеллектуальную высокообразованную элиту, оторванную от реальности и живущую книжными иллюзиями. В этом заключении можно усмотреть отсылки к «Золотому ослу» Апулея, где, как отмечалось в исследовательской литературе [Альбрехт: 1590], развлечение не единственная цель. Но это становится совершенно понятно только в последней книге. Так классический гротескный мотив метаморфозы человека в животное становится у Сенковского метафорой социального положения мыслящего человека. Быть «ослом» — значит быть униженным, зависимым, лишенным голоса, но при этом вынужденным наблюдать за абсурдом человеческого общества изнутри.

Крайне любопытна и вступительная заметка к «переводу» Лукиана, задуманная как элемент стилизации текста под сочинение ученой словесности, а значит, как часть литературной игры с читателем, но на самом деле соединяющая шутейное с серьезным, развлекательную фельетонную манеру с профессиональным пониманием сложности вопроса об истоках жанра повести в европейской литературе. Указывая, что автором повести был Лукиан, Сенковский характеризует его как человека, который, «видя вокруг себя общее разрушение разума, <...> потеряв надежду на будущее, разрушал все острыми ударами своего сарказма, осмеивал богов и людей, уничтожал последние мечты древнего мира и отталкивал от себя его новые упования» (*Лукий*: 76), а также называет его «греческим Вольтером» и отмечает, что «не говоря уже об Апулее, который подражал "Лукию" еще в древности, почти все известные писатели повестей, начиная с шестнадцатого столетия, имели эту повесть в виду и считали образцовой» (*Лукий*: 76, 77). Автор указывает:

«Макиавелли просто выкрал из нее своего осла. Лесаж в "Жиль Блазе" почти буквально скопировал с ней свою пещеру разбойников. Вольтер беспрерывно обращался к ней за формой и даже за остроумием» (*Лукий*: 77).

В этом шутливом пассаже Сенковский высказывает вполне серьезную идею о влиянии античной художественной прозы на развитие повествовательных жанров и литературных приемов в европейской беллетристике Нового времени.

Сенковский характеризует текст не только как филолог, но и как историк, подчеркивая его значение в качестве источника для изучения античного мира: в «Лукии» отразился «с своими характерами, нравами и понятиями этот совершенно свежий колорит давно исчезнувшего общества, эта подлинность подробностей древнего житейского быту, наконец, занимательность самого времени, наполненного борьбою старых верований с новыми» (*Лукий*: 77). Сходную оценку можно найти в предисловии к французскому переводу «Лукия», выполненному увлеченным филологом-эллинистом Полем-Луи Курье²¹, чей труд, скорее всего, был знаком Сенковскому:

«У нас действительно мало книг столь же любопытных, как эта; в ней можно найти сведения о частной жизни древних, которые любители этого исследования тщетно искали бы где-то еще <...>. Это картины чистого воображения, в которых, тем не менее, каждая черта взята из природы <...> которые не только развлекают изяществом вымысла и наивностью языка, но и одновременно поучают своими замечаниями и размышлениями <...> эти рассказы о фактах, не только ложных, но и невозможных, представляют нам время и людей лучше, чем любая хроника»²².

Таким образом, Сенковский подошел к переводу не как филолог-классик, стремящийся к точности, а как яркий писатель-сатирик, однако в глубоких историко-филологических замечаниях вводного комментария и нюансах стилизации авторских добавлений к древнегреческому оригиналу под маской смешливого барона Брамбеуса все же заметен серьезный профессор словесности. Он по нескольким причинам использует популярный в эпоху романтизма прием литературной мистификации. Во-первых, мистификация служила «литературной маской», которая позволяла автору быть более свободным в обращении с античным текстом, а также более смелым и критичным в своей сатире. Во-вторых, это был

²¹ Отечественной читающей публике Поль-Луи Курье был знаком по очерку: [Б. п.] Поль-Луи Курье // Московский Телеграф. 1831. № 19. С. 311–348.

²² *La Luciade, ou L'âne de Lucius de Patras: avec le texte grec revu sur plusieurs manuscrits*. Paris: A. Bobée, 1818. P. XX–XXII. Перевод наш. — Е. С., Е. Л.

изящный способ продемонстрировать собственную эрудицию и остроумие, вовлекая образованного читателя в интеллектуальную игру по распознаванию обмана и пониманию истинных, скрытых под античной формой сатирических целей.

Сенковский не стремится воспроизвести античный текст предельно точно. Он адаптирует оригинал для восприятия современной ему публики и создает увлекательное, остроумное произведение, которое в легкой и доступной форме расширяет представления массового читателя о литературном наследии античности²³. Вместе с тем сокращения, пропуски и замены призваны сконцентрировать читателя на сатирическом и пародийном замысле. Известный сюжет Псевдо-Лукиана, «злой, но гениальный памфлет на рассказы о волшебстве, написанный остроумным и просвещенным человеком» [Schwartz: 143] (перевод наш. — Е. С., Е. Л.), использован как каркас для злободневной сатиры на литературу, нравы общества (ханжество, глупость, жестокость, модный мистицизм) в России начала 1840-х гг. Античный автор говорит языком петербургского журналиста, и древнегреческий текст превращается в сатирическую повесть, написанную в манере литературного фельетона, и становится важным явлением в истории развития русской сатирической прозы.

Ослы в творческой лаборатории Сенковского 1842 г. и «Мертвые души» Гоголя

Но действительно ли «Лукий» Сенковского интересен исключительно как один из примеров литературной игры с читателем и обращения к античному материалу как основе злободневной сатиры на современные нравы? Некоторые детали произведения приобретают, на наш взгляд, новое звучание, если учесть год и месяц его публикации — декабрь 1842 г., через полгода после выхода «с нетерпением ожидаемого всеми любителями изящного романа Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души" <...>, или, как Гоголь назвал его <...> поэмы» [Белинский; т. 6: 199].

²³ К схожему выводу о творческом методе Сенковского-переводчика приходит А. А. Садыхова, но на примере не античного, а восточного материала, анализируя повесть «Смерть Шанфария» [Садыхова: 85].

Примечателен выбор Сенковским названия для своего произведения: «Лукий, или Первая повесть» вместо оригинального древнегреческого «Лукий, или Осел». Акцент на слове «повесть» мог напомнить читателям «Библиотеки для Чтения» о рецензии на «Похождения Чичикова, или Мертвые души» Гоголя, опубликованной в августовском выпуске журнала²⁴. Категорически не принимая определение «поэма», данное Гоголем своему произведению, Сенковский добавил это слово ко всем книгам, рассмотренным в разделе «Литературная летопись» вместе с «Похождениями Чичикова». Поэмами были названы не только три стихотворные брошюры Е. Алипанова (1. Теофил. «Поэма» Е. Алипанова, СПб., 1842; 2. Военные песни. «Поэмы» Е. Алипанова, СПб., 1842; 3. Досуги для детей. «Поэмы» Е. Алипанова, СПб., 1842), но также «Записки о старом и новом русском быте» К. А. Авдеевой, книги «Холодная вода, как всегдашнее лекарство», «Общая анатомия», «О распознавании и лечении аневризмов», «Практические упражнения в физике», «Древесная флора» и, наконец, несомненно вымышленная брошюра «Об устройстве скотных дворов, содержании рогатого скота и приготовлении навоза. Сочинение А. С. Москва, 1842», про которую рецензент сообщал читателям: «...поэма, должно ей отдать справедливость, написанная гораздо опрятнее, чем некоторые другие»²⁵.

Любопытны и начальные строки «Лукия» Сенковского:

«Между тем не подлежит сомнению, что великие литературы, вечные образцы искусства и ума человеческого, развились и достигли зенита своей славы без повестей. Эта чудная литература греческая, которая началась "Илиадой" и заключилась комедиями Менандра, торжественно прошла все свое бессмертное поприще, **не унижившись ни одного разу до повести**» (Лукий: 75).

²⁴ [Сенковский О. И.] Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

²⁵ Подробнее см.: Сенковский О. И. <Рукописная редакция статьи о «Мертвых душах»> (с примеч. Н. Мордовченко) // Н. В. Гоголь: материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит.; под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Т.] 1. С. 245–246. (Сер.: Лит. архив); [Чернышевский: 62–63].

Этот пассаж недвусмысленно отсылал читателя сразу к нескольким отзывам 1842 г. о «Мертвых душах»: брошюре К. С. Аксакова, отклику на нее Белинского, ответному объяснению Аксакова и объяснению на объяснение, написанному «неистовым Виссарионом»²⁶. Одним из поводов для полемики стала фраза из первого отзыва Аксакова, которую Белинский, высмеивая, процитировал почти дословно дважды²⁷:

«...древний эпос, перенесенный из Греции на Запад, мелел постепенно <...> снизошел <...> до романов и, наконец, **до крайней степени своего унижения, до французской повести**»²⁸.

Наконец, отметим рукописную редакцию августовского отзыва-фельетона Сенковского о сочинении Гоголя²⁹. Она свидетельствует, что отзыв первоначально был задуман в форме притчи, которую в книге «Тысяча и одна ночь» рассказывает Шахерезаде мудрый визирь, желая предостеречь ее от излишней самоуверенности на примере печальной участи одного тщеславного сочинителя, который, «написав нечистоплотный роман в пошлом роде Поль-де-Кока, вздумал гордо назвать его поэмою»³⁰. Развертывалась притча как разговор быка Силича, читающего «Мертвые души», с восторженным апологетом поэмы Гоголя ослом Разумниковичем и верблюдом, подмечающим недостатки текста. Но не только идея разбора произведения под маской рецензии на совершенно постороннюю книгу

²⁶ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М.: Тип. Н. Степанова, 1842. 19 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003570852?page=23&rotate=0&theme=white (31.07.2025); Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Москва, 1842. В 8-ю д. л. 19 стр. [Белинский; т. 6: 253–260]; Аксаков К. С. Объяснение // Москвитянин. 1842. Ч. 5. № 9. С. 220–229 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_013480570?page=7&rotate=0&theme=white (31.07.2025); Белинский В. Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» [Белинский; т. 6: 410–433].

²⁷ Белинский В. Г. Несколько слов...; Объяснение на объяснение... [Белинский; т. 6: 253–254, 413].

²⁸ Аксаков К. С. Несколько слов... С. 2–3.

²⁹ Сенковский О. И. <Рукописная редакция статьи о «Мертвых душах»>... С. 227–242.

³⁰ Там же. С. 227–228.

и в виде беседы животных, среди которых есть осел с характерным именем, примечательна в замысле Сенковского. Начало притчи («У одного **умного человека, который читал книги древних мудрецов** и постигал тонкости вещей, была за городом небольшая усадьба»³¹) имеет параллели с начальными строками из рассказа Лукия, добавленными Сенковским к античному оригиналу:

«Я — человек неглупый. Учился я в Афинах всякой **книжной мудрости, прочитал** почти все творения **древних...**» (Лукий: 79).

Добавим еще одну любопытную деталь: в переводе на французский древнегреческое “Λούκιος ἡ Όνος” выглядело как “La Lucjade, ou L’Ane”, напоминая об «Илиаде» Гомера, с которой ставили в один ряд «Похождения Чичикова» похвальные отзывы о поэме Гоголя³².

«Лукий, или Первая повесть» Б. Б. (Барона Брамбеуса) и ее творческая история заслуживают рассмотрения в контексте журнальной полемики по поводу «Мертвых душ» Гоголя. Литературная маска позволила Сенковскому, не изменив своему редакторскому кредо «не отвечать ни на какие выходки» и наказывать врагов молчанием³³, тем не менее остроумно парировать выпады Белинского против барона Брамбеуса, которыми изобиловал фельетон «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (см.: [Белинский; т. 6: 361–363]), написанный в ответ на сатирический отзыв Сенковского о «Похождениях Чичикова», и изящно ответить на брошенный Белинским в «Литературном разговоре...» вызов: «Посмотрим, чем кончится спор, если он уже и не кончился... Гоголь, разумеется <...> будет отвечать только новыми своими произведениями, от которых иные романисты-рецензенты запыхтятся насмерть...» [Белинский; т. 6: 365]. Новым произведением ответил и Брамбеус.

³¹ Сенковский О. И. <Рукописная редакция статьи о «Мертвых душах»>... С. 228.

³² Аксаков К. С. Несколько слов... С. 2–3.

³³ [Б. п.] Сенковский (Осип Иванович) // Справочный энциклопедический словарь, издающийся под редакцию А. Старчевского: в 12 т. СПб.: Изд. К. Крайя, 1855. Т. 9. Ч. 2: Р и С. С. 372 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003825506?page=1&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

Вступительный комментарий к «Лукию» как диалог Сенковского с Белинским

Во вводной части «Лукия» заметны, на наш взгляд, постоянные пародийные отсылки к статье Белинского «О русской повести и повестях Гоголя»³⁴, изданной в 1835 г. Не исключено, что решение Сенковского обратиться к этой давней рецензии было своеобразным «зеркальным ответом» на обвинения «в дурном тоне, в плоскостях, в сальностях, в явном незнании русского языка и русской грамматики» [Белинский; т. 6: 361], которые Белинский предъявил Брамбеусу в «Литературном разговоре...», опираясь на выписки из сочинений смешливого барона, увидевших свет в 1833–1834 гг.

Сопоставление текстов приводит к выводу о том, что Сенковский последовательно выстраивал вступительный комментарий Б. Б. к «Лукию» с опорой на статью Белинского, используя парафраз, синонимы, синтаксические параллели и аллюзии (см. *Таблицу 1*):

Таблица 1 / Table 1

«О <i>русской повести</i> и повестях г. Гоголя» Белинского (1835)	«Лукий, или <i>Первая повесть</i> » Сенковского (1842)
...Теперь <i>вся наша литература превратилась в роман и повесть</i> . <...> Роман всё убил, всё поглотил, а повесть, пришедшая вместе с ним, изгладила даже и следы всего этого... (С. 261)	<i>Заваленные повестями всякого разбору, виду и покрою</i> , мы теперь не понимаем, как могли существовать литературы без романов и повестей (С. 75)
<i>Кто</i> , какой гений, какой могущественный талант <i>произвел это новое направление?</i> .. (С. 261)	<i>Кто же изобрел их?</i> Когда свет увидел первую повесть? (С. 75)
Век поэзии идеальной оканчивается младенческим и юношеским возрастом народа, и тогда <i>искусство должно или переменить свой характер, или умереть</i> . <...> <i>с искусством человечества древнего случилось последнее</i> ... (С. 264).	...прочитав в последний раз великие образцы <i>прежнего греческого и латинского искусства</i> , свернул их, поставил в шкаф, запер ключом и сказал насмешливо: <i>«Покойтесь там, мощные умы!</i> Ваше царствование кончилось.

³⁴ Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») [Белинский; т. 1: 259–307].

...повесть во всех литературах теперь есть исключительный предмет внимания и деятельности всего, что пишет и читает... (С. 261–262)	Свет уже вас не понимает. Мы измелъчились до повести (С. 76)
В чем же заключается причина этой общей потребности, этого господствующего духа времени, которые все литературы подвели под форму романов и повестей? (С. 262). ...вера в богов и чудесное умерла; дух героизма исчез; настал век жизни действительной... (С. 265)	Первую известную повесть написал человек, который, видя вокруг себя общее разрушение разума, не верил уже ни разуму, ни его величию, ни творчеству таланта; который, потеряв надежду на будущее, разрушал все острыми ударами своего сарказма, осмеивал богов и людей, уничтожал последние мечты <...> и отталкивал от себя его новые упования... (С. 76)
Повесть наша началась недавно <...>. В двадцатых годах обнаружались первые попытки создать истинную повесть. <...> ...г. Марлинский был <...> зачинщиком русской повести (С. 272)	Честь, или несчастье, изобретения совершенно романтической повести, такой, какие мы пишем или посредством каких исписываемся нынче, неотъемлемо принадлежит Лукяну (С. 76)
...повесть во всех литературах теперь есть <...> наш дневной насущенный хлеб... (С. 261–262). Итак — Марлинский, Одоевский, Погодин, Полевой, Павлов, Гоголь — здесь полный круг истории русской повести. Да — полный... (С. 283)	О вы, которые питаетесь повестьями, судите о повестях, знаете наперечет все мудрые повести нашего времени, до самой последней, до самой новейшей! Читали ль вы самую первую повесть грешного человека, ту, с которой началась вся эта бесконечная вереница?... (С. 77)
Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике:	...этот странный мир, <...> который отразился <...> с своими характерами, нравами и понятиями <...> подлинность подробностей древнего житейского быту, <...> занимательность самого времени, наполненного борьбою старых верований с новыми, — все это ставит «Лукюя» гораздо

<i>г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной</i> (С. 284)	<i>выше того, что мы рассказываем в повестях наших</i> наугад о прошедшем и с приторною для современников верностью о настоящем (С. 77)

Пародируя теоретические построения Белинского, посвященные истории повести, Сенковский раскрывает свою точку зрения. Во-первых, он показывает появление жанра повести уже в античной литературе, а не в литературе Нового времени; во-вторых, полемизирует с утверждением Белинского о том, что Гоголь был первопроходцем в изображении «действительной жизни» в повести. Кроме того, называя первой повестью именно «Лукия» — повествование о фантастическом превращении человека в говорящего осла и его приключениях на пути к обратной метаморфозе, — Сенковский изящно подчеркивает значение «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса» в ряду русских повестей 1830-х гг.³⁵, несмотря на то что сочинение и его автор не были упомянуты Белинским в его «полном круге истории русской повести»³⁶. Свою мысль Сенковский усиливает как вопросом («Читали ль вы самую первую повесть грешного человека?»), так и замечанием, что Лукиана «прошедший век так справедливо прозвал "греческим Вольтером"» (*Лукий*: 77, 76), что могло напомнить о прозвище «Вольтер толкучего рынка»³⁷, которое Сенковскому дали недоброжелатели.

Заключительная часть вступительных замечаний Б. Б. к «Лукию» на первый взгляд не имеет параллелей с текстом Белинского. В ней дается картина «господствующего духа времени», в которое выпало жить и творить Лукиану:

³⁵ [Сенковский О. И.] Повести Барона Брамбеуса. I. Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. XLVIII, 391 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003569993?page=1&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

³⁶ Белинский упоминает в статье 15 повестей указанных авторов, но Сенковского и его произведений в этом перечне нет [Белинский; т. 6: 272–283].

³⁷ [Б. п.] Шуточки «Библиотеки для Чтения» (рубрика: Журнальные отметки) // Московский Наблюдатель. 1836. Ч. VIII. № 9. Июль. Кн. 1. С. 137 [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01013548357?page=143&rotate=0&theme=white> (31.07.2025). «Толкучим рынком» московские журналисты называли петербургские журналы.

«Христианство быстро усиливалось. Язычество <...> старалось <...> одушевиться последними остатками прежнего теплого верования. Обе стороны обвиняли друг друга в колдовстве, чернокнижии и употреблении сверхъестественных мер к своему торжеству. Этого было достаточно, чтобы колдовство действительно пошло в моду» (Лукий: 77–78).

Однако отдельные красноречивые детали возвращали внимательного читателя к статье Белинского — к той ее части, в которой давалась оценка творчеству Гоголя:

Таблица 2 / Table 2

«О <i>русской повести</i> и повестях г. Гоголя» Белинского (1835)	«Лукий, или <i>Первая повесть</i> » Сенковского (1842)
Я нимало не удивляюсь, подобно некоторым, что <i>г. Гоголь мастер делать всё из ничего...</i> (С. 289). Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни <...> и между тем <i>принимаете <...> участие в персонажах</i> повести... (С. 291). <i>О, г. Гоголь истинный чародей...</i> (С. 292)	Во втором веке древний образованный мир наполнился <i>страшными колдунами</i> , которые, по общему мнению, <i>производили невероятные дивы</i> и которые <...> оспаривали <i>могущество над умами философов...</i> (С. 78)

Вероятно, с целью окончательно удостоверить читателя в том, что вступление к Лукию, как и весь последующий рассказ, имеет скрытый подтекст, связанный с оценками творчества Гоголя в контексте истории русской повести и с полемикой вокруг «Похождений Чичикова», Сенковский добавляет еще одну деталь:

«Фессалия <...> прославилась <...> гнездом самых опасных кудесников, и *один из городов* этой провинции, именно *Ипата*, признан был *сборным пунктом или Лысою Горою искуснейших ведьм того времени*» (Лукий: 78).

Лысая Гора не единожды упоминалась в русской литературе 1830-х гг. как место шабаша ведьм, которое находится «под

самым Киевом»: в повести О. М. Сомова (1833)³⁸, сказке В. И. Даля (1837)³⁹. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя, переиздание которых состоялось в 1842 г.⁴⁰, картины шабаша нечистой силы встречаются трижды [Левашев, Тетерина: 173].

Таким образом, Сенковский проводит параллели между борьбой язычества и христианства во II в., называя ее «одной из самых разительных черт общества» (*Лукий*: 78), и борьбой идей и страстей в российских журналах своего времени⁴¹. Полагаем, что Сенковский уловил остроту и серьезность развернувшихся вокруг «Мертвых душ» дискуссий, которые в итоге оказали «существенное влияние на само формирование славянофильства и западничества» [Виноградов: 72]. Отмечая, что обе стороны (христиане и язычники) «обвиняли друг друга в колдовстве, чернокнижии и употреблении сверхъестественных мер» и «равно страшились друг друга» — и «этого было достаточно, чтобы колдовство действительно пошло в моду» (*Лукий*: 78), Сенковский тонко иронизирует над впадающими в крайности участниками журнальной полемики, намекая на парадоксальный, как по волшебству, переход критиков от оценок нового произведения третьего лица к нападкам друг на друга. Финал вступительного комментария к «Лукию» был подсказкой читателям, как можно трактовать повествование:

«Пусть теперь Лукиан, или правильнее его герой Лукий, расскажет нам, что случилось в *Ипате* с одним *молодым ахейским ученым*» (*Лукий*: 78).

³⁸ Порфирий Байский [Сомов О. М.] Киевские ведьмы // Новоселье. 1833. Ч. 1. С. 347, 356, 359 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_007503365?page=194&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

³⁹ [Даль В. И.] Ведьма (украинская сказка) // Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. СПб.: в Гутенберговой тип., 1846. Ч. 1. С. 456 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_007503365?page=194&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

⁴⁰ [Гоголь Н. В.] Сочинения Николая Гоголя. СПб., 1842. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. 261 с.

⁴¹ Интересно, что картину острой идейной борьбы вокруг «Мертвых душ» рисует также А. И. Герцен в дневниковой записи от 29 июля 1842 г.: «Толки о "Мертвых душах". Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апотеоза Руси, Илиада наша, и хвалят, след., другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси и за то ругают. Обратно тоже раздвоились антиславянисты» [Герцен: 220].

Открывающий повесть вставной эпизод в виде портрета-самопредставления молодого ахейского ученого: «философа, историка, ритор и грамматика», который учился в Афинах всякой книжной премудрости и сделался известным своими сочинениями, но затем превратился в осла вследствие своего чрезмерного интереса к колдовским зельям, — это образ восторженного почитателя «Похождений Чичикова», портрет высокообразованного критика, который, «право, не хуже других», но с ним приключился «казусный случай» (*Лукий*: 79), а именно — неотразимое воздействие поэмы Гоголя. Осмелимся предположить, что к замыслу изобразить литературных критиков-современников в герое античного текста, превратившемся в осла, Сенковского могло подтолкнуть среди прочего замечание Белинского из статьи «Похождения Чичикова, или Мертвые души»: «У нас всякий писака так и таращится рисовать бешеные страсти и сильные характеры, списывая их, разумеется, с себя и с своих знакомых» [Белинский; т. 6: 220].

Вставные эпизоды с использованием характерного для Апулея приема обстоятельного самопредставления героя стали способом создания фельетонного портрета.

Вступительный комментарий ярко демонстрирует жанровый синкретизм, характерный для всего текста. Он задуман как мистификация и сочетает в себе черты научной статьи (ссылки на античный источник, историко-литературный экскурс), литературно-критического памфлета (полемика с Белинским, замаскированная под рассуждение о повести) и фельетона (шутейная, развлекательная манера изложения).

К. С. Аксаков и С. П. Шевырев — герои античного сюжета

Наиболее благожелательно отзывались в 1842 г. об авторском определении жанра «Мертвых душ» К. С. Аксаков, В. Г. Белинский и С. П. Шевырев⁴². В открывающих рассказ *Лукия* словах: «...учился я в Афинах <...> сделался сам известным

⁴² Аксаков К. С. Несколько слов... С. 8; Белинский В. Г. Похождения Чичикова... [Белинский; т. 6: 220]; Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 8. С. 376.

моими сочинениями <...> философ, историк, ритор и грамматик» (*Лукий*: 79) — можно было усмотреть намек на каждого из них.

Самым молодым автором хвалебного отзыва о поэме Гоголя стал 25-летний Константин Сергеевич Аксаков, окончивший в 1835 г. словесное отделение Московского университета со степенью кандидата. В годы учебы в Московском университете Аксаков был участником кружка Станкевича, где велись бурные дискуссии о философии Шеллинга, Канта и Гегеля. В 1838 г. он написал сочинение «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)»⁴³, в следующем — «О некоторых современных собственно литературных вопросах»⁴⁴. Аксаков заявил о себе и на поэтическом поприще, печатаясь с начала 1830-х гг., часто под псевдонимом К. Эврипидин. В 1835 г. был опубликован отрывок из его драматической пародии «Олег под Константинополем», написанной под воздействием скептической школы М. Т. Каченовского и высмеивавшей чрезмерное доверие к преданиям о далеком прошлом Древней Руси. Автором вступительного примечания к публикации был Белинский⁴⁵, также симпатизировавший взглядам Каченовского⁴⁶. К 1839 г. пьеса была завершена [Машинский: 598]. Эпilog произведения состоит из стихов, передающих лекцию Профессора:

«Помилуйте! Какой Олег? Всё сказки!

Олег никак не мог существовать.

Вот *говорят*, что с парусами в лодках

⁴³ Эта статья была впервые напечатана в 1839 г., в январской книжке «Московского Наблюдателя» (см.: Аксаков К. С. О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского) // Полн. собр. соч. Константина Сергеевича Аксакова. М.: Универ. тип. (Катков и К°), 1875. Т. 2. Ч. 1: Сочинения филологические. С. 3, примеч.).

⁴⁴ Аксаков хотел издать данную статью отдельной брошюрой, однако в конце 1839 г. передал ее Белинскому. Последний не опубликовал материал из-за несогласий со взглядами автора. Статья была издана лишь в конце XX в., в сборнике: Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 43–74.

⁴⁵ Белинский В. Г. <Примечание к «Олегу под Константинополем» К. Эврипидина> [Белинский; т. 1: 221].

⁴⁶ Белинский В. Г. Литературные мечтания [Белинский; т. 1: 88, примеч.].

*Он посуху ходил до Цареграда,
Да там еще и щит прибил. Ну вот
Какие басни!* Им совсем не место
В истории»⁴⁷.

Полностью текст драмы Аксакова об Олеге был опубликован только в 1858 г., однако, на наш взгляд, нельзя исключать, что отсылкой к творческой биографии юного Аксакова и его взглядам на историю является вставной эпизод в «Лукии» Сенковского, в котором только что превратившийся в осла ученый восклицает:

«О боги! Я — осел?.. Я, философ, историк, ритор и грамматик — осел?.. Я, который написал столько знаменитых сочинений **обо всех отраслях** знания, который собирался основать **новую школу философии** и красноречия, который открыл в одном Гомере десять ошибок против языка и две — против размеру стиха, который **доказал, что Александр Великий никогда не бывал в Индии**, я, я — осел?» (Лукий: 88).

Заметим, что сам Сенковский был решительным противником гиперкритического отношения к сведениям письменных источников о далеком прошлом, будь то история Древнего мира или история Древней Руси. Он показывал, как новейшие археологические открытия подтверждают данные античных авторов, отмечая:

«Прошло время, когда бранили Геродота и смеялись над Ктесиасом. Нынче думают, что благоразумнее и полезнее изучать Геродота и Ктесиаса, сличая их тексты с наблюдениями, сделанными на месте, и смыслом памятников...»⁴⁸.

Он доказывал, что

«обесславленные критиками прошлого столетия скандинавские саги <...> открыли глазам нашим <...> целый ряд подлинных картин давно исчезнувшего общественного быта...»⁴⁹.

⁴⁷ [Аксаков К. С.] Олег под Константинополем. Драматическая пародия, с эпилогом, в трех действиях, в стихах. Соч. К. С. Аксакова. СПб.: Изд. Любителя, 1858. С. 95 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003563967?page=5&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

⁴⁸ [Сенковский О. И.] Новая сравнительная наука древностей // Библиотека для Чтения. 1835. Т. 12. Отд. 3. С. 42.

⁴⁹ Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 1. Отд. 3. С. 10.

В 1837 г. Сенковский принял к публикации статью Н. И. Надеждина, отправленного в ссылку в Усть-Усольск за издание «Философического письма Чаадаева». Рассуждая о пути приближения к исторической истине, Надеждин выступал против гиперкритики и ученых, которые «важно расхаживают среди белого дня и отмечают попавшиеся на глаза предания, говоря: "Нынче ты в сломку; завтра дойдет очередь до соседа"»⁵⁰. Двадцать лет спустя Аксаков тоже признал ошибочность скептических мнений Каченовского, отметив в предисловии к изданию драмы об Олеге 1858 г.: «Пародия эта потеряла современность, а вместе с тем, может быть, и занимательность...»⁵¹.

Следующий пространный вставной эпизод «Лукия» в виде самохарактеристики осла-ученого содержал детали, не характерные для биографии Аксакова: «учил людей, славился на весь мир». Почти каждая фраза включала намеки на другого автора похвалы «Мертвым душам» Гоголя — Степана Петровича Шевырева:

«Грустные думы овладели мною. Вот судьба ученого!.. *писал книги, учил людей, славился на весь мир*: и вдруг, глядь, я — осел!.. <...> *никогда еще не философствовал так глубоко, как тогда*, в ослиной коже. Я с удивительною легкостью *решил множество важных умозрительных вопросов* и достиг до таких высоких *наведений, каких не вижу даже у Платона*. *В промежутках я занимался этимологией и открыл несколько удивительных корней* для разных имен и глаголов» (Лукий: 94–95).

И действительно, 35-летний Шевырев к 1842 г. был ordinарным профессором словесности Московского университета, доктором философии, членом Педагогического института⁵²

⁵⁰ [Надеждин Н. И.] Об исторической истине и достоверности, Н. И. Надеждина // Библиотека для Чтения. 1837. Т. 20. Отд. 3. С. 151.

⁵¹ [Аксаков К. С.] Олег под Константинополем. С. IV.

⁵² Именно так его регалии обозначены на титульном листе издания: [Шевырев С. П.] Об отношении семейного воспитания к государственному: речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета ordinарным профессором русской словесности, доктором философии и членом Педагогического института Степаном Шевыревым 18 июня 1842. М.: Универ. тип., 1842. 4, 102 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003560563?page=5&rotate=0&theme=white> (31.07.2025).

и автором трудов по истории и теории поэзии⁵³. В поездке по Европе 1838–1840 гг. Шевырев, как следует из воспоминаний М. П. Погодина, сделал много примечательных знакомств с именитыми учеными и писателями⁵⁴. В «Теории поэзии» Шевырева значительная часть первой главы была посвящена учению Платона о прекрасном⁵⁵. Основные положения труда воспроизводили «характерный для того времени взгляд на Платона как на философа-поэта» [Тихеев: 134], а саму поэзию Шевырев понимал, в соответствии с этимологией слова (греч. *ποίησις*, от *ποιέω* — делаю, создаю, творю), как вид искусства, принимая «атрибуцию Жаном Полем Рихтером романа как поэтического жанра» [Нилова: 109–110], что послужило отправной точкой для защиты взгляда на «Мертвые души» как на поэму.

В 1842 г. публикации Шевырева в журнале «Москвитянин» касались различных вопросов, что и стало, по-видимому, основой самопрезентации осла-ученого у Сенковского:

«...никогда еще не философствовал так глубоко, как тогда, в ослиной коже» (*Лукий*: 94).

К двум программным статьям Шевырева о современной русской литературе⁵⁶ добавились две статьи о «Мертвых душах»

⁵³ [Шевырев С. П.] История поэзии: чтения адъюнкта Московского университета Степана Шевырева. М.: Тип. Августа Семея, 1835. III, 333 с.; [Шевырев С. П.] Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: сочинение, писанное на степень доктора философского факультета 1 Отделения, адъюнктом Московского университета Степаном Шевыревым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836. 382 с.; [Шевырев С. П.] Общее обозрение развития русской словесности (вступительная лекция ординарного профессора Шевырева). М., 1838. 47 с. Подробнее см.: [Коровин: 12–13].

⁵⁴ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLI. С. 414–417 [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book453441/#page/662/mode/lup> (31.07.2025).

⁵⁵ [Шевырев С. П.] Теория поэзии... С. 20–49.

⁵⁶ Шевырев С. П. Взгляд на современное направление русской литературы (вместо Предисловия ко второму году «Москвитянина»). Статья первая. Сторона черная // Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 1. С. I–XXXII; Шевырев С. П. Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая. Сторона светлая (состояние русского языка и слога) // Москвитянин. 1842. Ч. 2. № 3. С. 153–191.

Гоголя⁵⁷; несколько публикаций были посвящены истории воспитания в древности, значению педагогики в современности⁵⁸ и разработке «основных положений теории воспитания русского человека и гражданина отечества» [Цветкова: 43]. В одной из статей Шевырев критиковал Платона, который «в идеальной своей республике <...> не признает никакого семейства: так, у него человеческое подавлено государственным»⁵⁹. Автор призывал родителей не освобождаться «от священной обязанности править воспитанием семейным» и, достигнув «до таких высоких наведений, каких не ви[дел] даже у Платона» (Лукий: 94), провозглашал:

«Из университета выходит студент или кандидат; из ваших же рук выходит человек — звание важнейшее всех других званий. Да, только в самой тесной, в самой неразрывной связи семейного воспитания с государственным заключается идеал воспитания совершенного, везде, но особенно в настоящую минуту, в нашем Отечестве»⁶⁰.

В этой же статье Шевырев «занимался этимологией и открыл несколько удивительных корней для разных имен» (Лукий: 94–95) — рассуждал о значении слова *воспитание* в русском языке в сравнении с немецким *Erziehung*⁶¹ и отмечал:

«...прекрасна и глубока мысль тех филологов наших, которые производят русское слово *семья* от *семен*, знаменуя тем призвание семьи, выражаемое в коренном ее понятии: служить семенем всему человечеству»⁶².

Интересно, что фраза из самопрезентации осла-ученого в «Лукии» Сенковского «писал книги, учил людей, славился на весь мир» перекликается с построением характеристики

⁵⁷ Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 7. С. 207–228; То же. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 8. С. 346–376.

⁵⁸ Шевырев С. Об отношении семейного воспитания к государственному // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 7. С. 36–124; С. Ш. [Шевырев С. П.] Экзамены в Московском университете // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 8. С. 410–411.

⁵⁹ Шевырев С. П. Об отношении... С. 49.

⁶⁰ Там же. С. 38–39.

⁶¹ Там же. С. 39–40.

⁶² Там же. С. 41.

Лиодора Ипполитовича Картофелина из памфлета Белинского «Педант (литературный тип)» в мартовском номере «Отечественных Записок» за 1842 г., направленного против Шевырева. Используя пародийное имя, данное Шевыреву Н. Полевым в 1832 г., Белинский выделяет важные вехи в биографии Картофелина. Сначала, воспитываясь «в единственном пансионе губернского города», он «подбил товарищей издавать журнал» и «объявил себя монополистом» отделений стихов и критики. Затем, «обремененный лаврами», приехав «в одну из столиц наших, <...> он является учителем "русской словесности"». Наконец, «вот что многим может показаться невероятным: прозаическими статьями своими Картофелин обратил на себя общее внимание, как человек со вкусом, умом и дарованием» [Белинский; т. 6: 70–72].

Отсылкой к характеристике Картофелина в «Педанте» Белинского, который среди прочего высмеивал готовность Шевырева как сотрудника одного из журналов трудиться до кровавого пота из тщеславия и взвалить на себя всю работу, а разживу предоставить хозяину [Белинский; т. 6: 71], была, по всей видимости, еще одна ремарка осла-ученого в сочинении Сенковского:

«...я почти не выходил из хомута. Тут страдало не одно тело, но и гордость. Пусть уже так: **молоть так молоть для своих хозяев, а не на весь мир**; тем больше, что я был осел мыслящий, осел-философ, осел-ритор и грамматик» (Лукий: 104).

Заметим, что изображение современников в литературных героях из других исторических эпох было для Сенковского далеко не новым приемом. В комедии «Фансю, или Плутовка горничная», публикация которой в «Библиотеке для Чтения» 1839 г. была представлена как перевод с китайского пьесы Джин-Дэхуэя, выполненный неким провинциальным чиновником⁶³, также были вставные эпизоды, один из которых — самохарактеристика книжных дел мастера Пху-Лалиня — несомненно подразумевала Ф. Булгарина [Карпов: 137].

⁶³ [Сенковский О. И.] Фаньсу, или Плутовка горничная. Китайская комедия. Сочинение Джин-Дэхуэя. Буквально с китайского переводил на Кяхте и к сему переводу руку приложил: пограничный толмач, десятого класса Разумник Артамонов сын Байбаков // Библиотека для Чтения. 1839. Т. 35. № 8. Отд. 2. С. 53–140.

Крайне любопытен пространный вставной эпизод в «Лукии», рассказывающий историю про **вельможу** Менеклеса, «которого льстецы титуловали *illustrissimus*» (Лукий: 121). Осел-философ сообщает:

«Менеклес воздвиг в своей великолепной **вилле** прекрасную статую, которая, разумеется, изображала собственную его персону, и для пьедестала сам сочинил надпись, исчисляющую все его титулы и подвиги. Титулов у него было множество, но подвигов, кажется, никаких...» (Лукий: 122).

Осмелимся предположить, что рассказ про Менеклеса содержит намеки на министра просвещения С. С. Уварова, занимавшего также должность президента Академии наук⁶⁴. Уваров был владельцем великолепного имения в Поречье, которое получило славу русских Афин и сравнение с Платоновой Академией, поскольку главный зал был украшен статуями и картинами, а частыми посетителями были ученые и писатели [Виттекер: 272]. В 1841 г. в журнале «Москвитянин» была опубликована вызвавшая широкий резонанс статья, в которой владелец Поречья именовался «его **высокопревосходительство** г. министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров»⁶⁵, а само имение было охарактеризовано в самых восторженных тонах:

«...радуешься, словно роскошному оазису, когда приближаешься к Поречью. <...> Сюда русский **вельможа**, владелец Поречья, приезжает летом для кратковременного отдохновения от трудов государственных. <...> мысль хозяина, с какою он пересоздал Поречье: он хотел иметь в нем обитель науки и искусства

⁶⁴ Издатель «Москвитянина» М. П. Погодин в одной из речей 1841 г. в честь Уварова отозвался о нем так: «...начальник шести университетов, двух Академий с педагогическим институтом и тремя лицеями, около сотни гимназий, почти двух тысяч училищ, член ученых обществ: Афинского, Калькуттского и Филадельфийского, кроме европейских» (см.: [Барсуков Н. П.] Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. Кн. 6. С. 151 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003441736?page=1&rotate=0&theme=white (31.07.2025)).

⁶⁵ [Давыдов И. И.] Село Поречье // Москвитянин. 1841. Ч. 5. № 9. Отд. 1. С. 156.

и пристань от житейских треволнений. <...> Поречье — не итальянская *вилла*, назначенная для забав...»⁶⁶.

Отношение Сенковского к Уварову вряд ли было восторженным. Судя по дневниковым записям цензора А. В. Никитенко, в 1834 г. Уваров отдал ему «приказание смотреть как можно строже за духом и направлением "Библиотеки для чтения"» Сенковского, «очень резко говорил о его "полонизме", о его "площадных островах" и проч.»⁶⁷. Сенковский стал главной мишенью нападков двух статей Шевырева в первом же номере «Московского Наблюдателя»⁶⁸ — журнала, находившегося под покровительством Уварова⁶⁹.

Высмеивание Уварова в образе античного вельможи могло напомнить читателям о стихотворении Пушкина «На выздоровление Лукулла (подражание латинскому)», которое было опубликовано в сентябрьском выпуске «Московского Наблюдателя» за 1835 г.⁷⁰ и стало «основной темой пересудов в светских салонах северной столицы» [Перцов, Пильщиков: 57]. В отталкивающем образе корыстолюбца-наследника, который жаждал скорейшей кончины заболевшего богача, общество моментально узнало министра просвещения. Пушкин в одном из писем начала 1836 г. писал по-французски:

«В образе низкого скупца, пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д. — публика, говорят,

⁶⁶ [Давыдов И. И.] Село Поречье... С. 156, 157–158.

⁶⁷ Никитенко А. В. Записки и дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2004. Т. 1. С. 319.

⁶⁸ Шевырев С. П. Словесность и торговля // Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 1. № 1. Март. Кн. 1. С. 5–29; Шевырев С. П. О критике вообще и у нас в России // Там же. Ч. 1. № 3. Апрель. Кн. 1. С. 493–525.

⁶⁹ Во многом в ответ на нападки Шевырева на обложке «Библиотеки для Чтения» в 1836 г. появился эпиграф на древнегреческом языке со словами Сократа, произнесенными перед казнью и взятыми из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта. Этот эпиграф открывал каждый выпуск «Библиотеки для Чтения» «на протяжении почти двадцати лет, вплоть до 1854 г., доказывая примером из истории Эллады, что даже самые выдающиеся личности могут стать жертвами несправедливых суждений окружающих» (подробнее см.: [Смирнова: 1165–1166]).

⁷⁰ См.: Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 4. № 14. Сентябрь. Кн. 2. С. 191–193.

узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности»⁷¹.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что активным участником «Московского Наблюдателя» был М. П. Погодин [Бадалян: 108, 114]. Иными словами, Сенковский не только отсылал внимательного читателя к истории о смелом пасквиле Пушкина, но и недвусмысленно указывал на изменения в Погодине: не воспротивившись публикации дерзкого памфлета против Уварова, всего через шесть лет он принял к изданию поразительную по лъстивости статью⁷².

Любопытна в связи с этим еще одна самохарактеристика осла-ученого в «Лукии» Сенковского:

«[Менеклес] **не мог нарадоваться, наглядеться на меня**: я для него был чудом, сокровищем <...> он отдал меня на руки **одному вольноотпущенному**, чтобы тот <...> учил меня выделять разные штуки. <...> Он попробовал заставить меня **слагать разные слова** <...> я **и это исполнил отлично**. Мы сложили таким образом целую фразу: "**Менеклес украшение Греции**". Менеклес объявил торжественно, что я очень умный осел, и подарил прекрасное платье моему наставнику» (Лукий: 121–122).

По всей видимости, здесь представлены дополнительные штрихи к портрету Шевырева, а вместе с ним и Погодина. В 1837 г. Уваров «устроил дело так, что император подписал прошение Погодина и Шевырева об издании "Москвитянина", несмотря на действовавший запрет на выпуск новых периодических изданий [Бадалян: 110]. В первом же номере журнала, издание которого началось в 1841 г., была размещена статья Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы»⁷³, разъясняющая содержание не имевшей еще в начале 1840-х гг. официального характера триады «Православие.

⁷¹ Пушкин А. С. А. Х. Бенкендорфу. Вторая половина января — начало февраля 1836 г. Петербург. Черновое [Пушкин: 436, № 683, 685, примеч.].

⁷² О реакции столичной интеллектуальной элиты на оба произведения см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888–1910. Кн. 4. С. 271; Кн. 6. С. 155–156.

⁷³ Шевырев С. П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219–296 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_013480437?page=1&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

Самодержавие. Народность» [Бадалян: 111]. В этой статье примечательны строки:

«Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее. Муж царского Совета, которому вверены поколения образующихся, давно уже выразил их глубокою мыслию, и они положены в основу воспитанию народа»⁷⁴.

Чем не «Менеклес — украшение Греции»? В том же году издатель «Москвитянина» Погодин был избран академиком Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Рассказ о своем пребывании у Менеклеса осел-философ дополняет красочными подробностями обсуждения надписи, сочиненной вельможей для пьедестала собственной статуи:

«Вельможа, его друзья, его придворные философы, софисты и риторы часто приходили к пьедесталу рассуждать об этой надписи. Все находили ее отлично умною и правильно написанною. Принадлежа к домашнему обществу, я однажды присоединился к кругу критиков надписи. В одном из слов ее была маленькая ошибка против орфографии. Я подошел к пьедесталу, уперся концом морды в неправильную букву и заревел так пронзительно, как еще ни один грамматик не ревел, открыв погрешность в сочинении своего врага» (Лукий: 122).

Пронзительный рев осла-философа как деталь к портрету Шевырева имеет параллель в журнальных статьях 1842 г. В апрельском номере «Русского Вестника» была опубликована эпиграмма Н. Полевого против Шевырева, процитированная затем Белинским в статье «Журнальные и литературные заметки», завершением которой были строки:

*«Молчи, пискун! Ну, где ты находил,
Чтоб льва могучего, с зубами и когтями
Когда-нибудь осел копытом бил?» [Белинский; т. 6: 239].*

Кроме того, в описании приема гостей у Менеклеса несомненна отсылка к восторженному рассказу о поездках ученых в имение Уварова в статье «Село Поречье», автор которой, И. И. Давыдов, входил в число приглашаемых гостей:

⁷⁴ Шевырев С. П. Взгляд русского... С. 295.

«Между нами были *пожилые и юноши, профессеры <...>, художники <...> и образованные любители наук и искусств <...>* Первые две недели все наше общество с хозяином проводило утреннее время в библиотеке <...>. Каждый говорил откровенно; чаще *любили мы слушать самого хозяина, неистощимого в мыслях, с сладким словом.* <...> Никогда не изгладятся из памяти нашей те сладкие беседы, в которых хозяин, не как высокий сановник, а как *первый* из товарищей, *позволяя говорить с собою откровенно и чистосердечно*»⁷⁵.

Белинскому была хорошо известна практика профессорских вояжей в имение Уварова: в письме к Гоголю от 20 апреля 1842 г. он назвал руководителей журнала «Москвитянин» «холопами знаменитого села Поречья» [Белинский; т. 12: 108]⁷⁶.

Но почему в «Лукии» Сенковского осел-ученый, чудо и сокровище Менеклеса, вдруг говорит о себе, что присоединился к числу критиков вельможной надписи и заревел пронзительно, обнаружив маленькую орфографическую ошибку? Рискнем предположить, что Сенковский намекает на новые уточняющие акценты в трактовке Шевыревым формулы «Православие. Самодержавие. Народность» в статьях 1841–1842 гг. Во-первых, основы уваровской триады тот обнаруживает в Древней Руси, а не в Петровской эпохе⁷⁷. Во-вторых, из всех элементов формулы более всего его интересует народность, которая, по

⁷⁵ [Давыдов И. И.] Село Поречье. С. 167–168, 189.

⁷⁶ Иную оценку поездкам ученых в Поречье дает К. В. Ратников — по его мнению, тут «имело место вовсе не раболопное выслушивание распоряжений сановного барина, а велся просвещенный научный разговор <...>, обстоятельный диалог с властью, попытка выработки прочного взаимного союза на основе соединения усилий правительства и университетской интеллигенции по укреплению ростков просвещения на русской почве <...> по обозначению магистрального направления хода образования в России» [Ратников: 6].

⁷⁷ Формулируя три коренные чувства, «в которых семя и залог нашему будущему развитию», Шевырев указывает на «наше древнее чувство религиозное», «чувство <...> государственного единства, вынесенное <...> также из всей нашей истории <...> из нашей древней жизни», «сознание нашей народности <...>. Это чувство устремляет теперь нас к изучению нашей Древней Руси, в которой, конечно, хранится первоначальный чистый образ нашей народности» (Шевырев С. П. Взгляд русского... С. 292–294). Заключительными словами статьи Шевырева были: «...Россия <...> да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный...» (Там же. С. 295–296).

его мнению, наиболее ярко выражается в словесности⁷⁸. Наконец, в статье о «Мертвых душах» Шевырев пишет:

«Русская словесность <...> всегда призывала народ к сознанию своей внутренней жизни, — и правительство наше (честь и хвала ему) никогда не скрывало от нас таких сознаний, если только совершались они талантами истинными, с искренним чувством любви к России и с уверенностью в ее высоком назначении»⁷⁹.

Анализируя черную и светлую стороны современной словесности в статьях 1842 г., Шевырев с похвалой отзываясь о многих современных литераторах, приложивших «благородные усилия» на поприще «изучения устного языка народного»⁸⁰, но подвергает уничтожающей критике своих давних врагов — «журнального пересмешника (clown)» Сенковского и «рыцаря без имени», одетого в «броню наглости», Белинского⁸¹. Сенковского Шевырев называет «повествовательной машиной», говоря:

«...бросьте в нее любое происшествие, из любого народа, из какого хотите века, бросьте любой анекдот, да хоть картинку... завтра же чудная машина превратит вам все это в повесть»⁸².

Белинский ответил Шевыреву фельетонным портретом Леофора Картофелина, созданным от имени Петра Бульдогова, Сенковский — от имени Лукиана и его переводчика Б. Б. самохарактеристикой древнегреческого философа-осла.

Нет никаких сомнений в том, что Белинский понял все отсылки «Лукия» к своим критическим статьям, начиная с давней «О русской повести и повестях Гоголя», переложенной в стилистике вступительного комментария к сочинению

⁷⁸ Шевырев указывает: «Древняя Русь в жизни своей раскрыла три элемента главных: первый, важнейший, был элемент Церкви, чистый и духовный; второй — государственный; третий — народный. Первый выразился у нас в богатой словесности церковной <...>. Элемент государственный сказался у нас в государственных летописях <...>. Наконец, третий элемент, чисто народный, выражался в песнях, сказках, притчах, поговорках и пословицах...» (Шевырев С. П. Взгляд на современное... Сторона черная. С. VI).

⁷⁹ Шевырев С. Похождения Чичикова... Статья первая. С. 227.

⁸⁰ Шевырев С. П. Взгляд на современную... Сторона светлая. С. 173.

⁸¹ Шевырев С. П. Взгляд на современное... Сторона черная. С. XIX–XX–VII, XXVIII.

⁸² Там же. С. XIX.

древнего автора, заканчивая параллелями к фельетону о Шевыреве и ответом в античной стилистике на вызов, брошенный Белинским Барону Брамбеусу в «Литературном разговоре». Станный, перегруженный деталями отзыв Белинского о «Лукии», производящий впечатление ошибки, на наш взгляд, не может быть объяснен тем, что творчество Лукиана было «мало» известно «в России в 1840-е гг.» [Кошелев А. В., Кошелев А. В., 2024b: 695]. Белинский намеренно изменяет название античного источника «Лукия» Сенковского, демонстрируя желание завершить полемику о повести с позиции победителя:

«...в "Библиотеке для чтения" прошлого года были напечатаны и еще две повести, тоже, кажется, Барона Брамбеуса: "Падение Ширванского царства" и "Лукий, или Первая повесть". Первая очень потешна, а вторая — довольно неудачное искажение известной сказки Апулея "Золотой осел", переведенной порусски Ермилом Костровым еще в 1780 году, под титулом: "Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой Осел. Перевел с латинского императорского Московского университета бакалавр Ермил Костров. В Москве, в университетской типографии, у Н. Новикова, 1780 года"» [Белинский; т. 6: 541].

Белинский, по всей видимости, попытался выставить Сенковского писателем-подражателем, незадачливым эпигоном. Однако именно обращение к «чужим» текстам и вольная игра с сюжетами и героями, творческая переработка «чужих» тем и мотивов, а также диалог с ними через цитаты, аллюзии, пародию, стилизацию создавали в «Лукии» неповторимый стиль, в котором ключевым способом создания текста становится насыщенная интертекстуальность в сочетании с аналитической иронией.

* * *

Подводя итоги, отметим, что «Лукий, или Первая повесть» Сенковского представляет интерес в нескольких отношениях. Автор осуществил смелый литературный эксперимент и создал гибридный в жанровом отношении текст. Формально он имеет структуру научной статьи, однако его содержание является сплавом художественного перевода и адаптированного

пересказа древнегреческого сочинения с пародией и фельетоном, написанными на основе злободневных журнальных статей. Текст является остроумным инструментом литературной и журнальной полемики, а вступительный комментарий к «Лукию» — замаскированным ответом на критику В. Г. Белинского и бурные дискуссии вокруг поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Сенковский оспаривает идеи Белинского о новизне жанра повести и первенстве Гоголя в изображении «действительной жизни».

Используя древнегреческое произведение для создания сатирического портрета эпохи, Сенковский обращается к двойному хронотопу, применяет различные художественные приемы, в том числе «двуголосое слово», гротеск, пародийные вставки, позволяющие представить главного героя и охарактеризовать современное общество, метафоры-самоиронии. Ключевым творческим приемом становится литературная мистификация, которая позволила, с одной стороны, Сенковскому-профессору быть максимально свободным в обращении с античным материалом, а с другой — Сенковскому-редактору вступить в полемику с критиками. Для массового читателя «Лукий» — это развлекательное чтение с просветительским элементом. Для образованной московской и петербургской элиты, следившей за журнальной борьбой, — многослойный, злободневный сатирический текст на литературных и не только современников, отличающийся интенсивной интертекстуальностью.

Повесть имеет мощный философский компонент. Мотив метаморфозы человека в осла становится у Сенковского многогранной метафорой мыслящего человека и его заблуждений. Осмысление в «Лукии» судьбы высокообразованного интеллектуала, увлеченного сомнительной теорией или стоящего перед выбором между научной честностью и карьерой, перекликается с типами из провинции в «Похождениях Чичикова» Гоголя.

Прекрасное знание древнегреческого языка, литературных приемов античных авторов и структуры научной статьи по классической филологии в совокупности с энциклопедической образованностью, профессиональной осведомленностью

о новейших научных дискуссиях и погруженностью в перипетии журнальной борьбы позволили Сенковскому не только создать необычное внешнее оформление для остроумной повести-мистификации, но и наполнить ее содержание сатирой на современников, выразив в ней свои взгляды по самым злободневным сюжетам литературной полемики и взаимоотношений между авторами и издателями, дискуссионным проблемам истории словесности и методологии истории, борьбе мнений относительно важнейших основ воспитания и образования.

Список литературы

1. Альбрехт М. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи: в 3 т. / пер. с нем. А. И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. Т. 3. С. 1403–2001.
2. Бадалян Д. А. Журнал «Московский наблюдатель», С. С. Уваров и московская цензура: к истории борьбы в русской периодической печати 1830-х гг. // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 106–129 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47309969_21961038.pdf (31.07.2025). DOI: 10.47132/2588-0276_2021_2_106. EDN: WQSUAR
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
4. Виноградов И. А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: не востребованное и забытое // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 62–153 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2020-1/Vinogradov_62-153.pdf (31.07.2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-1-62-153. EDN: PNPJL
5. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб.: Акад. проект, 1999. 350 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
6. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2: Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник 1842–1845. 515 с.
7. Дементьев А. Г. Журналистика и критика сороковых годов (1840–1855) // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. С. 437–485.
8. Ермичев А. А. Виссарион Григорьевич Белинский: против стереотипов // В. Г. Белинский: pro et contra: личность и творчество В. Г. Белинского в русской мысли (1848–2011): антология. СПб.: РХГА, 2011. С. 7–52. (Сер.: Русский путь.)
9. Каверин В. А. Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 253 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005403539?page=7&rotate=0&theme=white (31.07.2025).

10. Карпов А. А. «Анекдот о двух русских литераторах» // Русская литература. 2022. № 4. С. 136–143 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49841718_55385568.pdf (31.07.2025). DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-136-143. EDN: NSZGUT
11. Коллекция знаний. Книжное собрание Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. 208 с.
12. Коровин В. Л. С. П. Шевырев — историк древней и новой русской литературы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 5. С. 9–19 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2024_05_1.pdf (31.07.2025). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-1. EDN: FVJNZT
13. Кошелев А. В., Кошелев В. А. «Какая-то усталость, утомление овладели им...» // Сенковский О. Собр. соч.: в 5 т. М.: Дмитрий Сечин, 2024. Т. 4: Идеальная красавица. С. 3–26. (a)
14. Кошелев А. В., Кошелев В. А. Комментарии // Сенковский О. Собр. соч.: в 5 т. М.: Дмитрий Сечин, 2024. Т. 4: Идеальная красавица. С. 685–792. (b)
15. Левашев Е. М., Тетерина Н. И. М. П. Мусоргский. «Иванова ночь на Лысой горе»: тексты и контексты: статья первая // Художественная культура. 2021. № 2 (37). С. 166–197 [Электронный ресурс]. URL: https://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/24d/hk_2021_2_166_197_levashhev_teterina.pdf (31.07.2025). DOI: 10.51678/2226-0072-2021-2-166-197. EDN: HEAOBJ
16. Левинская О. Л. «Ослиные» метаморфозы в античной беллетристике: Лукиан, Апулей и Луций из Патр // Вестник древней истории. 2002. № 1. С. 25–32 [Электронный ресурс]. URL: <http://vdi.igh.ru/system/articles/pdfs/000/001/247/original/870e40968025a240d88486ac19e24f-106391fc30.pdf?1532356761> (31.07.2025).
17. Левинская О. Л. Античная Asinaria: история одного сюжета. М.: РГГУ, 2008. 204 с. (Сер.: Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности; вып. 21.)
18. Машинский С. И. Примечания // Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 545–608. (Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)
19. Николаев С. И. «Повесть о Лукиановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 135–159 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/Сборник_17_XVIII.pdf (31.07.2025).
20. Нилова А. Ю. Становление термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII — первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 3. С. 105–111 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50419270_43685128.pdf (31.07.2025). DOI: 10.15393/uchz.art.2023.891. EDN: VOLVLR

21. Перцов Н. В., Пильщиков И. А. «Бессмертное поношение» (Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина) // *Philologica*. 2003/2005. Т. 8. № 19/20. С. 57–88 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22734049_20704476.pdf (31.07.2025). EDN: TDMSMZ
22. Полонская К. Спор о Белинском // *Вопросы литературы*. 1968. № 6. С. 118–137.
23. [Прозоров П. И.] Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 год, на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы / сост. П. Прозоров. СПб.: Акад. наук, 1898. 374 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003122022?page=1&rotate=0&theme=white (31.07.2025).
24. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1979. Т. 10: Письма. 711 с.
25. Ратников К. В. Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье: идеологическая стратегия графа С. С. Уварова и его единомышленников. Челябинск: Околица, 2006. 236 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19862662_50482919.pdf (31.07.2025). EDN: PBEXSV
26. Садыхова А. А. Повесть О. И. Сенковского «Смерть Шанфария»: перевод, пересказ или стилизация? // *Проблемы исторической поэтики*. 2023. Т. 21. № 1. С. 56–90 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1676983663.pdf (31.07.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12002. EDN: CZLBHV
27. Смирнова Е. Л. Греко-римская древность на страницах журнала «Библиотека для чтения» в 1834–1840 гг. // *Scholé. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2023. Т. 17. № 2. С. 1161–1195 [Электронный ресурс]. URL: <https://classics.nsu.ru/schole/assets/files/17-2-smirnova.pdf> (31.07.2025). DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-1161-1195. EDN: HIFETP
28. Стрельникова И. П. «Метаморфозы» Апулея // *Античный роман / под ред. М. Е. Грабарь-Пассек*. М.: Наука, 1969. С. 332–364.
29. Тихеев Ю. Платон в среде московских Любомудров // *Логос*. 2011. № 4 (83). С. 131–139 [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/4_2011/9.pdf (31.07.2025). EDN: RVRFCN
30. Цветкова Н. В. Модель русской культуры в работах С. П. Шевырёва начала 1840-х годов // *Литературоведческий журнал*. 2022. № 1 (55). С. 32–54 [Электронный ресурс]. URL: http://litzhur.ru/files/elibrary_48204972_34227273.pdf (31.07.2025). DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.02. EDN: GVECFG
31. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 5–309.

32. Bowie E. Literary Milieu // The Cambridge Companion to the Greek and Roman Novel / ed. by T. Whitmarsh. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 17–38.
33. Mason H. Greek and Latin Versions of the Ass-Story // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. Bd. 34 (2). S. 1666–1707. DOI: 10.1515/9783110851403-018
34. Schwartz E. Fünf Vorträge über den griechischen Roman. Berlin: De Gruyter Mouton, 1943. 158 p.

References

1. Al'brekht M. *Istoriya rimskoy literatury ot Andronika do Boetsiya i eyo vliyaniya na pozdneyshie epokhi: v 3 tomakh* [History of Roman Literature from Andronicus to Boethius and Its Influence on Later Eras: in 3 Vols]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 2005, vol. 3, pp. 1403–2001. (In Russ.)
2. Badalyan D. A. “The Moscow Observer” Journal, S. S. Uvarov and Moscow Censorship: to the History of Struggle in the Russian Periodicals of the 1830s. In: *Russko-Vizantiyskiy vestnik* [Russian-Byzantine Herald], 2021, no. 2 (5), pp. 106–129. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47309969_21961038.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.47132/2588-0276_2021_2_106. EDN: WQSUAR (In Russ.)
3. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. Slavophilism v. Westernism in the Dispute About Nikolai Gogol's Novel “Dead Souls”: Unclaimed and Forgotten. In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2020, vol. 2, no. 1, pp. 62–153. Available at: https://rusklassika.ru/images/2020-1/Vinogradov_62-153.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-1-62-153. EDN: PNPDJL (In Russ.)
5. Whittaker C. H. *Graf Sergey Semenovich Uvarov i ego vremya* [Count Sergei Semenovich Uvarov and His Time]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 350 p. (Ser.: Contemporary Western Russian Studies.) (In Russ.)
6. Herzen A. I. *Sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Collected Works: in 13 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954, vol. 2: Articles and Feuilletons 1841–1846. Diary 1842–1845. 515 p. (In Russ.)
7. Dement'ev A. G. Journalism and Criticism of the Forties (1840–1855). In: *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1950, vol. 1, pp. 437–485. (In Russ.)
8. Ermichev A. A. Vissarion Grigorievich Belinsky: Against Stereotypes. In: *V. G. Belinskiy: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo V. G. Belinskogo v russkoy mysli (1848–2011): antologiya* [V. G. Belinsky: Pro et Contra: the Personality

- and Works of V. G. Belinsky in Russian Thought (1848–2011): an Anthology*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2011, pp. 7–52. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
9. Kaverin V. A. *Baron Brambeus: istoriya Osipa Senkovskogo, zhurnalista, redaktora “Biblioteki dlya chteniya”* [Baron Brambeus: The Story of Osip Senkovsky, Journalist, Editor of “The Library for Reading”]. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade Publ., 1929. 253 p. Available at: https://viewer.rusneb.ru/u/000199_000009_005403539?page=7&rotate=0&theme=white (accessed on July 31, 2025). (In Russ.)
10. Karpov A. A. Anecdote About Two Russian Writers. In: *Russkaya literatura*, 2022, no. 4, pp. 136–143. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49841718_55385568.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-136-143. EDN: NSZGUT (In Russ.)
11. *Kolleksiya znaniy: knizhnoe sobranie Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of Knowledge: the Book Collection of the St. Petersburg State University]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
12. Korovin V. L. S. P. Shevyrev as a Historian of Ancient and Modern Russian Literature. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9: Philology], 2024, no. 5, pp. 9–19. Available at: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2024_05_1.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-1. EDN: FVJNZT (In Russ.)
13. Koshelev A. V., Koshelev V. A. “A Kind of Fatigue, or Exhaustion Took Hold of Him...”. In: *Senkovskiy O. Sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [Senkovsky O. The Collected Works: in 5 Vols]. Moscow, Dmitriy Sechin Publ., 2024, vol. 4, pp. 3–26. (In Russ.) (a)
14. Koshelev A. V., Koshelev V. A. Comments. In: *Senkovskiy O. Sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [Senkovsky O. The Collected Works: in 5 Vols]. Moscow, Dmitriy Sechin Publ., 2024, vol. 4, pp. 685–792. (In Russ.) (b)
15. Levashev E. M., Teterina N. I. M. P. Mussorgsky. St. John's Eve on Bald Mountain: Texts and Contexts. Article One. In: *Khudozhestvennaya kul'tura* [Art and Culture Studies], 2021, no. 2, pp. 166–197. Available at: https://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/24d/hk_2021_2_166_197_levashev_teterina.pdf (accessed on July 31, 2025). EDN: HEAOBJ (In Russ.)
16. Levinskaya O. L. Ass Metamorphoses in Greek and Roman Literature: Lucian, Apuleius, and Lucius of Patras. In: *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2002, no. 1, pp. 25–32. Available at: <http://vdi.igh.ru/system/articles/pdfs/000/001/247/original/870e40968025a240d88486ac19e24f106391fc30.pdf?1532356761> (accessed on July 31, 2025). (In Russ.)
17. Levinskaya O. L. *Antichnaya Asinaria: istoriya odnogo syuzheta* [Ancient Asinaria: the History of a Plot]. Moscow, The Russian State University for

- the Humanities Publ., 2008. 204 p. (Ser.: *Orientalia et Classica: Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies*; issue 21.) (In Russ.)
18. Mashinskiy S. I. Notes. In: *Poety kruzhska N. V. Stankevicha [Poets of the N. V. Stankevich's Circle]*. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1964, pp. 545–608. (Ser.: *The Poet's Library. Large Series. 2nd ed.*) (In Russ.)
 19. Nikolaev S. I. "The Tale of Lucian's Ass" in the Circle of Translated Classical Masterpieces in the Peter the Great Era. In: *XVIII vek [18th Century]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, collection 17, pp. 135–159. Available at: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/Сборник_17_XVIII.pdf (accessed on July 31, 2025). (In Russ.)
 20. Nilova A. Yu. Formation of the Term "Poetry" in Russian Literary Studies of the 18th Century and the First Half of the 19th Century. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2023, vol. 45, no. 3, pp. 105–111. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_50419270_43685128.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.15393/uchz.art.2023.891. EDN: VOLVLR (In Russ.)
 21. Pertsov N. V., Pil'shchikov I. A. "An Immortal Defamation" (On One of Pushkin's Last Burlesque Works). In: *Philologica*, 2003/2005, vol. 8, no. 19/20, pp. 57–88. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22734049_20704476.pdf (accessed on July 31, 2025). EDN: TDMSMZ (In Russ.)
 22. Polonskaya K. Dispute About Belinsky. In: *Voprosy literatury*, 1968, no. 6, pp. 118–137. (In Russ.)
 23. Prozorov P. I. *Sistematicheskii ukazatel' knig i statey po grecheskoy filologii, naпечатannykh v Rossii s XVII stoletiya po 1892 god na russkom i inostrannykh yazykakh. S pribavleniem za 1893, 1894 i 1895 gody [Systematic Index of Books and Articles on Greek Philology, Published in Russia from the 17th Century to 1892, in Russian and Foreign Languages. With Additions for 1893, 1894 and 1895]*. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1898. 374 p. Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003122022?page=1&rotate=0&theme=white (accessed on July 31, 2025). (In Russ.)
 24. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh [The Complete Works: in 10 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 10: Letters. 711 p. (In Russ.)
 25. Ratnikov K. V. *Kholopy ili sobesedniki? Professorskie voyazhi v Porech'e: ideologicheskaya strategiya grafa S. S. Uvarova i ego edinomyshlennikov [Serves or Interlocutors? Professors' Voyages in Porechye: Ideological Strategy of Count S. S. Uvarov and His Associates]*. Chelyabinsk, Okolitsa Publ., 2006. 236 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19862662_50482919.pdf (accessed on July 31, 2025). EDN: PBEXSV (In Russ.)
 26. Sadykhova A. A. The Short Novel "Šanfari's Death" by Józef Julian Sękowski: Translation, Retelling or Stylization? In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 56–90. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1676983663.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12002. EDN: CZLBHB (In Russ.)

27. Smirnova E. L. Greco-Roman Antiquity in “The Library for Reading” Journal of 1834–1840. In: *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition], 2023, vol. 17, no. 2, pp. 1161–1195. Available at: <https://classics.nsu.ru/schole/assets/files/17-2-smirnova.pdf> (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-1161-1195. EDN: HIFETP (In Russ.)
28. Strel'nikova I. P. “Metamorphoses” of Apuleius. In: *Antichnyy roman* [The Ancient Novel]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 332–364. (In Russ.)
29. Tikheev Yu. Plato Among Moscovite “Lovers of Wisdom”. In: *Logos*, 2011, no. 4 (83), pp. 131–139. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos/4_2011/9.pdf (accessed on July 31, 2025). EDN: RVRFCF (In Russ.)
30. Tsvetkova N. V. Model of Russian Culture in S. P. Shevryov's Works of Early 1840s. In: *Literaturovedcheskiy zhurnal* [The Journal of Literary History and Theory], 2022, no. 1 (55), pp. 32–54. Available at: http://litzhur.ru/files/elibrary_48204972_34227273.pdf (accessed on July 31, 2025). DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.02. EDN: GVECFG (In Russ.)
31. Chernyshevskiy N. G. Essays on Gogol's Period of Russian Literature. In: *Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Chernyshevsky N. G. The Complete Works: in 15 Vols]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1947, vol. 3, pp. 5–309. (In Russ.)
32. Bowie E. Literary Milieux. In: *The Cambridge Companion to the Greek and Roman Novel*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2008, pp. 17–38. (In English)
33. Mason H. Greek and Latin Versions of the Ass-Story. In: *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* [The Rise and Fall of the Roman World]. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 1994, vol. 34 (2), pp. 1666–1707. DOI: 10.1515/9783110851403-018 (In English)
34. Schwartz E. *Fünf Vorträge über den griechischen Roman* [Five Lectures on the Greek Novel]. Berlin, De Gruyter Mouton Publ., 1943. 158 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Смирнова Екатерина Леонидовна, Ekaterina L. Smirnova, PhD (History), Associate Professor of the Department of Foreign History of the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0579-8774>; e-mail: esmirnova@petsu.ru.

Литинская Евгения Петровна, Evgeniya P. Litinskaya, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5901-7187>; e-mail: litgenia@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.10.2025

Принята к публикации / Accepted 01.11.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025